

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

ПОРОК — ДОРОГОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ

РОГОНОСЕЦ

Чингиз Абдуллаев

Рогоносец

«PEN-клуб»

2014

Абдуллаев Ч. А.

Рогоносец / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 2014

ISBN 978-5-699-70933-5

Нафис Давлетгаров родился в семье высокопоставленного чиновника и вырос в окружении невероятной роскоши: прислуга, шикарные особняки, дорогие автомобили и прекрасное образование – у него было все, о чем только можно мечтать. Повзрослев, Нафис, благодаря связям отца, основал огромную финансовую империю и стал одним из самых успешных бизнесменов современности. Миллионер, красавец, завидный жених, Нафис, кажется, был идеален во всем. Но он имел одну слабость, которую тщательно скрывал: ему нравились мужчины... В один прекрасный момент тайный порок бизнесмена стал известен группе нечистых на руку дельцов. Они похитили возлюбленного Нафиса – Мартина – и стали требовать за него огромный выкуп...

ISBN 978-5-699-70933-5

© Абдуллаев Ч. А., 2014

© PEN-клуб, 2014

Содержание

Вместо вступления	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Чингиз Абдуллаев

Рогоносец

*Добро и зло – две реки, которые так хорошо смешали свои воды,
что невозможно их разделить.*

Пьер Буаст

Лучше краска на лице, чем пятно на сердце.
Мигель Сервантес

*Я так устал. Мне стало все равно.
Ко мне всего на три часа из суток
Приходит сон, томителен и чуток.
И в сон желание смерти вселено.
Мне книгу зла читать не вмогу,
а книга блага вся перелисталась.
О мать Смерть, сними с меня усталость,
покрой рядом худую наготу.*
Борис Чичибабин

Вместо вступления

Вас никогда не предавали? Очень сложно поверить. Каждый человек рано или поздно сталкивается с этим отвратительным явлением. Очевидно, оно так же присуще людям, как любовь, страсть, зависть. Все это началось миллионы лет назад, когда кто-то решил урвать себе большой кусок мяса, толкнув своего отца или брата, сына или друга. Только ради того, чтобы получить большой кусок мяса. А потом предательство стало нормой. Предавали своих друзей, предавали своих вождей, предавали свои страны. Конечно, предавали и любимых женщин, охотно отдавая их более сильному мужчине в обмен на какие-то возможные блага. Предавали своих мужей, иногда ради страсти, иногда ради собственной выгоды, иногда ради своих детей, в общем, поводов всегда было достаточно. И каждый человек рано или поздно сталкивался с этим пороком. Причем его не только предавали. Обстоятельства жизни складывались так, что и сам человек вынужден был часто предавать, чтобы выжить в этом мире среди человекоподобных существ. Возможно, предательство своих принципов или своих убеждений было самым тяжким видом этого греха. Хорошо живет тем, у кого вообще нет подобных принципов.

О предательстве написаны тысячи книг – романов и психологических исследований, но в нашем мире этот порок так же непобедим, как и все остальные человеческие пороки, появившиеся на земле сразу с рождением мыслящего человека. Ведь, по большому счету, Адам и Ева начали с предательства своего Создателя, когда, поддавшись на уговоры Сатаны, соблазнились яблоком греха.

Только не нужно доказывать, что вы никогда не сталкивались с предательством и вас никогда не предавали. Все равно не поверю. Точно так же, как не поверю в вашу безусловную порядочность. Любой психолог скажет, что мы умудряемся лгать по несколько раз в день. Причем необязательно по серьезному поводу, скорее по пустякам, просто в силу собственных привычек. И с предательством сталкивались даже пророки – и Моисей, и Мухаммед – с недоверием и предательством. А самый показательный пример великого предателя – это история Иуды, который предал своего учителя. Если предадут даже Бога, что может сделать обычный человек? Обидеться, оскорбиться, обмануться в своих лучших чувствах? Наверное, нужно быть

готовым к тому, что тебя могут предать. И самый лучший друг, который в душе ненавидит тебя... И самый лучший начальник, который так опасается твоих талантов... И самый лучший сотрудник, который мечтает занять твое место, самый надежный компаньон, которому в тягость делить с тобой деньги... Даже собственная жена, у которой может быть масса причин для измены... Могут предать даже собственные дети, самые близкие родные, самые верные друзья. И вообще предают только свои.

После подобного спича читатели могут решить, что все следующие страницы будут посвящены супруге главного героя, которая ему изменила. И книга в очередной раз расскажет о таком обыденном явлении. Обычная схема обманутого мужа. Или дурак Отелло, который своей ревностью губит собственную жизнь, или простака Оргон, у которого подлец Тартюф готов увести жену из собственного дома, а заодно отобрать и все имущество вместе с дочерью.

На самом деле все гораздо сложнее и очень запутанно. Хотя не стоит забегать вперед. Нужно изложить все по порядку. Это история необычного предательства в двадцать первом веке, которая поражает своим цинизмом. Хотя в наше циничное время уже ничто не может удивлять. Не должно удивлять. Но по-прежнему удивляет. Все-таки старик Кант был прав. Звездное небо над нами и нравственный императив внутри нас. Вот два самых удивительных явления в истории человеческой цивилизации. Конечно, когда они есть. Звездное небо над нами сохраняется почти неизменным в течение миллионов лет. А нравственный императив внутри нас меняется не только от эпохи к эпохе, но и сообразно обстоятельствам. У очень многих людей он либо вообще отсутствует, либо присутствует в зачаточном состоянии. Или подобный императив вырабатывается у каждого свой, и тогда каждый сам определяет степень своего нравственного совершенства или глубину морального падения. Итак, начинаю. Меня зовут Нафис Давлетгаров...

Глава 1

Она снова позвонила и в очередной раз испортила мне настроение. Это так похоже на Тамару, которая словно задалась целью практически регулярно, один раз в месяц, звонить ко мне и доставать меня столь диким способом. А ведь мы уже не совсем молодые люди. Иногда вспоминаю, что эта сварливая и вечно недовольная женщина – моя сверстница. Мы оба родились в один год, только я раньше ее на восемь месяцев. Я родился в начале февраля, а она в начале октября семьдесят первого года прошлого века. Себя я еще считаю достаточно молодым человеком, мне только сорок два года. А она в свои сорок два уже кажется совсем потухшей – женщиной, которую ничего в жизни не интересует, кроме сварливой беседы со мной и вечного недовольства. Мы знакомы уже так много лет, что она должна бы наконец уgomониться, но она все еще пытается свести со мной свои счеты. Нашей дочери уже девятнадцать лет, она студентка архитектурного института, и я могу вообще не интересоваться жизнью моей бывшей супруги и своей дочери, учитывая, что все алименты исправно выплатил. Сколько нервов и крови испортила мне моя бывшая супруга из-за этих алиментов, сколько раз она пыталась поймать меня на неточностях, словно я не хотел тратить деньги на свою дочку. Ах, как она меня доставала все эти годы! Но теперь все закончилось. Хотя Тамара все еще по привычке звонит и пытается найти очередной повод для скандала.

Дочь Лида, конечно, не звонит. Мать все эти годы так успешно внушала ей, что ее отец настоящее чудовище, подлец и вообще человек, загубивший ее жизнь. Интересно, что деньги, и очень немаленькие деньги, она принимала от этого чудовища. И ее совсем не смущал мой моральный облик. А вот встречаться нам с дочерью не разрешала. Да и дочка особенно не стремилась со мной видаться. Признаюсь, что я тоже не испытывал особого желания встречаться с дочерью. Видимо, голос крови совсем не давал о себе знать. Или ненависть к ее матери автоматически переросла в неприязнь к девочке. Говорят, что мужчины часто так поступают, отказываясь видеть детей, если расходятся с их матерями. При этом женщины-одиночки очень усердно внушают ненависть к отцам, к бывшим своим мужьям.

Со временем это обоюдное нежелание с обеих сторон превратилось в некую абсолютную норму и мы почти перестали общаться.

С Тамарой мы поженились в странное время, восемнадцатого августа девяносто первого года. Что было на следующий день, помнит весь мир. Вот такое поразительное совпадение. Сейчас понимаю, что напрасно мы так торопились. Нам было только по двадцать лет. Можно было немного подождать. Но родители спешили. Очевидно, и ее отец, и мой понимали, что крах может наступить в любой момент. Все тогда жили в ожидании этого крушения, которое едва не наступило в августе. Робкая попытка незадачливых чиновников сохранить и спасти свою страну не удалась. Это были бесцветные, лишенные самостоятельности чиновники. Среди них не нашлось ни одного лидера, который мог бы взять ответственность на себя. Их робкая попытка не удалась.

Оставшиеся несколько месяцев прошли в мучительных поисках, пока трое лидеров славянских республик не собрались в Беловежской Пуще и не прекратили существование, возможно, самой великой страны в истории человеческой цивилизации. Во всяком случае, именно в этой стране произошла первая успешная социалистическая революция, начался невиданный эксперимент по строительству нового общества. Именно граждане этой страны первыми запустили спутник, смогли отправить своего посланца в космос, отстояли не только свою страну, но и спасли весь мир от фашизма. Однако трое собравшихся руководителей просто разодрали эту страну на куски, воспользовавшись слабостью верховной власти. И почти триста миллионов человек в одночасье оказались чужими друг другу...

В январе девяносто четвертого у нас родилась дочь, которую назвали Лидой. Но до этого было еще столько событий...

А в девяносто шестом мы разошлись, не прожив вместе и шести лет. Лиде тогда было только два с половиной годика. И моя супруга сразу подала в суд на алименты. И еще вылила на меня столько грязи, что моя мать слегла с сердечным приступом. Отца к тому времени уже не было в живых. И все эти годы Тамара с завидным упорством и регулярностью пыталась достать и добить меня, не стесняясь распространять обо мне чудовищные слухи и измышления.

Хотя почему измышления? Я человек, которого называют бисексуалом. Это я понял давно, еще когда был совсем молодым человеком. Мне нравятся красивые женщины. И красивые мужчины. Да, возможно, это покажется кому-то страшным извращением, чудовищным нарушением общепринятой морали. Но я такой, какой есть. И не собираюсь притворяться или что-то придумывать в угоду другим людям. Мне казалось, что я имею право жить так, как мне нравится. Но оказалось, что это не совсем так.

Конечно, Тамара все узнала и поняла почти сразу, еще в первые годы нашего совместного существования. Может, поэтому она и не хотела рожать в первые годы нашего брака. А после рождения дочери почти демонстративно закрыла передо мной спальную комнату, хотя я и не рвался туда. Следующие два года мы с трудом переносили присутствие друг друга. И наконец решили развестись, чтобы прекратить это мучительное сосуществование.

В первые годы я жил один, пока у меня не появился Мартин Рауд. Он эстонец, но в отличие от анекдотически заторможенных прибалтов довольно подвижен, сообразителен, энергичен. Может, сказывается, что отец у него эстонец, а мать русская, и поэтому он не совсем похож на тех парней, которые приезжают в Москву из Таллина и про которых ходит столько анекдотов. Мартин появился в моем кабинете еще восемь лет назад, пришел сразу после окончания университета. Мне рекомендовал его Сергей Герасимович Ляпунов, который работал у нас первым вице-президентом компании. Я ведь тоже вице-президент компании, только по юридическим вопросам и сотрудничеству с правоохранительными органами. В основном это, конечно, налоговые и таможенные органы, с которыми мы плотно работаем. Наша компания аффилирована с самим «Газпромом», и поэтому бонусы вице-президентов довольно часто представляют семизначные цифры по итогам года.

Восемь лет назад я был еще руководителем юридического департамента в нашей компании. Мне было тридцать четыре года, Мартину исполнилось двадцать два. Он был красивым молодым человеком с очень приятным лицом и хорошими манерами. Уже позже узнал, что его отец – профессор Тартусского университета, а мать – доцент кафедры мировой литературы сначала в Таллинском университете, а затем в Москве. Мальчик из очень интеллигентной семьи. Родители развелись, когда ему было пять лет, и его вырастила мама. Мартин, белокурый парень с голубыми глазами, красив... Я предложил ему работу в нашем департаменте.

Мартин согласился. Мне казалось правильным, что такой перспективный молодой человек будет работать у меня. Через несколько месяцев узнал, что он проживает с матерью и у него нет девушки, с которой бы он встречался. Я почти незаметно начал ему покровительствовать, помогал составлять договора, проверял его отчеты, сверял его аналитические обзоры с другими, предоставляя ему даже закрытую информацию.

Вы уже догадались, что он мне был не просто симпатичен. Я действительно испытывал теплые чувства к этому молодому человеку. Примерно через два года у него тяжело заболела мать. Ей требовались дорогие лекарства и дорогой курс химиотерапии. Было понятно, что такую сумму парню просто не удастся собрать. Мне удалось договориться с банком о предоставлении ему почти беспроцентной ссуды. Затем обратился к попечительскому совету нашей компании и выбил для матери Мартина еще двадцать тысяч долларов в качестве помощи. Все эти меры позволили продлить ее жизнь еще на полтора года. Но онкология – такая проклятая

болезнь, что никто и никогда не может дать гарантию вашего выздоровления. Даже при обнаружении этой болезни на самой ранней стадии.

Одним словом, ей ничего не помогло. Женщине еще не было и пятидесяти лет, когда она умерла. Мартин был безутешен. Он плакал, как ребенок. Нужно было видеть его залитое слезами лицо, его неподдельное горе... Я как мог пытался его успокоить. По истечении сорока дней начал осторожно приглашать его на совместные ланчи. Пока однажды не пригласил к себе домой. В первый вечер мы сидели, пили вино и говорили о пустяках. Во второй вечер мы вместе ужинали в дорогом ресторане. А еще через неделю я снова пригласил его к себе, и мы достаточно много выпили. Мартин не умел пить, сказывался возраст. К этому времени ему было около двадцати шести лет, а мне уже исполнилось тридцать восемь.

Я тогда понимал, что молодой человек еще не совсем испорчен светской жизнью и не имеет должного опыта в общении с женщинами и мужчинами. В тот вечер мы не просто много выпили, но еще и позволили себе обниматься и даже целоваться. Хотя все было достаточно прилично, я не хотел торопить события. К этому времени у нас в отделе появилась достаточно смазливая молодая девица по имени Злата, которая положила глаз на белокурого красавца Мартина. Она носила вызывающие мини-юбки, делала глазки Мартину, который смущался и краснел в ее присутствии. Злата не скрывала своего желания затащить молодого человека в кровать. Ей было уже двадцать девять, и она, очевидно, решила, что пора замуж, а Мартин вполне подходил.

Но это не входило в мои планы. И я сделал все, чтобы девушка вылетела из нашего департамента. Формально она даже пошла на повышение, перейдя в юридический департамент самого «Газпрома». Но ей не очень хотелось туда переходить, а я настоял на переводе. К этому времени я получил должность вице-президента нашей компании и мог решать, кого именно следует оставлять в подконтрольных мне структурах. И конечно, почти сразу выдвинул Мартина на должность заместителя начальника отдела. Мальчик к этому времени уже успокоился, вырос, стал ироничным, веселым и открытым молодым человеком.

И я снова пригласил его к себе домой. На этот раз мы пили не так много. Но я поцеловал его первым. В губы. Он не отпрянул, не испугался, даже не удивился. И ответил поцелуем на поцелуй. Дальше все было гораздо легче. И он остался в моей квартире. Утром выглядел немного смущенным, но достаточно счастливым. Мы договорились увидеться через три дня, я должен был улетать в срочную командировку. Признаюсь, что все три дня с нетерпением ждал возвращения домой.

Вернувшись в свой кабинет, сразу вызвал к себе Мартина. Он явился ко мне с документами. Выглядел подтянутым, серьезным, сосредоточенным. Ни намек на наши отношения. Все было только в рамках должностных обязанностей. Это мне понравилось еще больше. Ведь обычно молодые особы, превратившиеся в фаворитов своих боссов, позволяют себе демонстрировать эту близость, вызывая понятное отторжение у остальных сотрудников и сотрудниц в любой компании. Но Мартин был достаточно умным и тактичным человеком – сказывалось домашнее воспитание.

Я подождал еще несколько дней, а затем снова пригласил его к себе на ужин. Кажется, Мартин совсем не удивился. И охотно принял мое приглашение. Мы поужинали в одном из открывшихся итальянских ресторанов. И когда пили кофе, я предложил ему поехать ко мне. При этом внимательно следил за его выражением лица. Если бы там мелькнуло колебание или отвращение, я бы сразу отозвал свое предложение, но он только кивнул головой в знак согласия и коротко поблагодарил меня за ужин. Через час мы были у меня дома, и все прошло как обычно. Тактично, интеллигентно, без ненужного напряжения и суеты. После этого мы встречались еще несколько раз. Наши встречи стали достаточно регулярными. И еще через несколько месяцев я неожиданно даже для самого себя предложил Мартину перебраться ко мне. К этому времени мы достаточно близко сошлись, и я вполне оценил его мягкую манеру

общения, его интеллигентность, открытость, дружелюбие, сдержанный юмор, даже его чистоплотность, которая меня всегда радовала. Многие мужчины в этом плане неряшливы, обычно разбрасывают свои вещи где попало... Мартин был очень чистоплотным и аккуратным человеком. Он обычно с вечера готовил свою одежду, чистил обувь, гладил рубашки и костюмы. Одним словом, это был не только добрый друг, но и хороший сосед, с которым приятно сосуществовать в одной квартире. Хотя квартира у меня была достаточно большой, четырехкомнатной, и обычно мы ночевали каждый в своей спальне, когда он приезжал ко мне домой. Не скажу, что он полностью переехал ко мне. Это было бы неправильно и могло вызвать определенные разговоры. Мы встречались два или три раза в неделю. Я отвел ему одну из комнат, чтобы он не чувствовал себя слишком скованно. И мы по очереди бывали друг у друга в гостях, всегда возвращаясь в свои спальные комнаты. Этим, как мне казалось, сохраняли свежесть чувств и давали друг другу относительную свободу в своих отношениях. Кроме того, у обоих были частые командировки на Дальний Восток, где мы в последнее время плотно работали.

Я хорошо запомнил этот роковой день. Вечером Мартин должен был заехать к себе домой и забрать свой новый пуловер, который купил в Италии, где был в недавней командировке. Он уехал сразу после работы на «Фольксвагене», который я подарил ему в прошлом году, пообещав приехать через час, чтобы мы вместе поужинали. А я вернулся домой, и звонок Тамары в очередной раз испортил мне настроение. Прекрасно понимая, что уже не будет никаких денежных поступлений, я не обязан содержать взрослую дочь, она позвонила и высказала все, что у нее накопилось. Сначала она пыталась требовать еще денег, якобы на учебу дочери за границей. Я холодно посоветовал Тамаре взять деньги у своего отца, который мог бы спонсировать внуку. В ответ выслушал массу оскорблений и ругательств. Теперь, после того как Лиде исполнилось восемнадцать, моя бывшая жена не получает от меня ни копейки. В конце концов, я не совсем понимаю, что такое «голос крови». Если моя дочь меня не видела за последние годы ни разу и даже не изъявляет желания встретиться с отцом, хотя бы для того, чтобы узнать, кто именно переводит ей такие большие суммы, позволяющие одеваться в лучших магазинах Москвы, а ее матери ездить на дорогой иномарке. Решением суда с меня принудительно высчитывали четверть зарплаты, что вместе с премиями доходило до двадцати тысяч долларов. Это я не считаю свои бонусы. И четверть суммы отходила эти двум женщинам. Я чувствовал, что начинаю ненавидеть обеих. Не из-за денег, совсем нет. В конце концов, я получал большие бонусы, из которых не обязан был платить им. Да и другие доходы у меня тоже были, включая акции «Газпрома». Я просто злился из-за того, что, получая столько лет такие большие деньги, они ни разу меня не поблагодарили, ни разу не поздравили в день рождения и даже не хотели со мной встретиться. Разумеется, я считал месяцы до совершеннолетия моей дочери, чтобы наконец вздохнуть свободно, освободившись от финансовых обязательств... И вот свершилось – моя дочь совершеннолетняя...

Теперь Тамара бушевала, высказывая мне свои претензии. В прежние времена я отключал телефон, а сейчас слушал даже с некоторым мазохистским удовольствием. Пусть бесится. И чем больше слушал, тем больше она распалялась, обвиняя меня во всех страшных грехах, в том числе и в сожительстве с мужчинами. Это меня тоже веселило, ведь она прекрасно знала про мою бисексуальность и я никогда особенно не скрывал своих желаний. Тем более что изменял ей не только с мужчинами, но и с женщинами. Последние несколько лет нашего совместного проживания мы только формально числились мужем и женой.

Но самое интересное, что она неожиданно начала ругать и Мартина. Это меня насторожило. Мы не стеснялись, конечно, наших отношений, но и не особенно их афишировали. Все-таки Москва – столица православного государства, в котором подобные отношения все еще вызывают резкое неприятие. Россию и ее правителей критикуют за подобную политику во всех международных инстанциях. А тем более в моем положении, ведь я был обрезанный мусульманин, а это по канонам мусульманской религии тоже большой грех. Хотя иметь четырех жен

и массу налогоплательщиков совсем не является грехом. Но лучше проявлять скромность и не особенно выставлять напоказ свои отношения. Помните, как разгромно проиграла на выборах партия немецких либералов Геншера. Это была одна из старейших партий Германии, привычно входивших в правящие коалиции, сначала с социал-демократами, а затем много лет с христианскими демократами. Но их лидер, ставший министром иностранных дел, публично заявил о своей сексуальной ориентации и не скрывал, что живет со своим другом. Конечно, это его личное дело, но тогда не нужно занимать пост министра иностранных дел. На выборах его партия не смогла преодолеть пятипроцентный барьер, нашлось много граждан, которым не понравились подобные откровения их вице-канцлера. В любой стране основная масса голосующих – это консервативно настроенные люди, которые дисциплинированно ходят на выборы и среди которых всегда много не принимающих подобные нетрадиционные отношения.

Одним словом, мы не выставляли напоказ наши отношения с Мартином. Я даже никогда не позволял ему садиться в мою служебную машину, чтобы водитель ни о чем не догадался. Хотя, думается, он догадывался. Раньше был дядя Леша, старше меня на двадцать лет, но я сменил его на молодого и сообразительного Сережу, который устраивал меня гораздо больше.

Тамара продолжала бушевать. Говоря о Мартине, она кричала, что я совращаю молодых людей, и мне придется ответить за склонность к педофилии. Я улыбался, не перебивая ее. Она начала кричать, что обратится к президенту компании и расскажет, что я принудил молодого человека к сожительству. «Тебя посадят за педофилию», – орала Тамара. Это меня окончательно развеселило, ведь Мартину далеко за восемнадцать. Двенадцать лет разницы, что ж... Она не знает, что еще в прошлом году мы выезжали с президентом нашей компании в Берлин, где нам для отдыха прислали двух молодых особ модельной внешности, с которыми мы очень неплохо провели время. Но я никогда не скрывал своей бисексуальности, и он знал об этом. Поэтому я только рассмеялся. И посоветовал Тамаре обратиться к доктору... Она бросила трубку, поняв, что навсегда лишилась источника доходов. «Золотая курица», которая несла ей золотые яйца столько лет, улетела, и теперь надо примириться с этим обстоятельством.

Я положил трубку и громко расхохотался. У меня было в тот вечер прекрасное настроение. Потом я сидел за компьютером, просматривая документы. Через час начал волноваться, через два стал звонить Мартину. Его телефон был отключен, чего раньше никогда не случилось. Еще через час я не выдержал и, спустившись в гараж, находившийся под домом, сел в свой внедорожник «БМВ» и поехал домой к Мартину. Дверь была закрыта, и мне никто не отвечал. Только тогда вспомнил, что не взял с собой его вторые ключи, которые всегда лежали у меня в ящике письменного стола. Вернулся к себе, забрал ключи и снова приехал к Мартину. Он жил достаточно далеко от меня, на Хорошевском шоссе, и я едва не попал в аварию, когда однажды попытался обогнать «Ситроен», не дававший мне дорогу. За рулем, конечно, сидела женщина, недоуменно взглянувшая на мое рассерженное лицо. Она даже не поняла, почему я злился.

Поднявшись на восьмой этаж, открыл дверь и вошел в двухкомнатную квартиру Мартина. С первого взгляда понял, что здесь произошло нечто непредвиденное. Вещи были разбросаны по всей квартире, а на полу кухни свежие пятна крови. Я тяжело опустился на стул, размышляя, как быть. Нужно звонить в полицию. Ведь Мартин не мог исчезнуть, не сказав мне ни слова. В этом я был убежден.

Глава 2

Можно представить внимание читателей к подобной теме. Сразу живой интерес и поиск любимой «клубнички». Очередной рассказ о том, как жена наставила рога своему незадачливому мужу, если роман называется «Рогоносец». Всегда забавно и очень смешно... И радостно, что это приключилось с кем-то...

Но от подобной участи почти никто не застрахован. В этом конкретном случае речь идет о процессах гораздо более сложных и не всегда понятных и принимаемых обычными людьми.

Нафис Давлетгаров родился в семьдесят первом году в Казани, а через девять лет его семья переехала в Москву. Отец главного героя был одним из руководителей профсоюзного движения в автономной республике, и его перевели в Москву на должность одного из секретарей ВЦСПС. Тогда это была очень большая должность. И, конечно, сразу все переменялось.

Отцу Нафиса Закиру Давлетгарову исполнилось в восемьдесят первом году только сорок пять лет. Наверное, он сам не ожидал подобного взлета. Но так «легли карты» и определилась судьба. Умер один из секретарей ВЦСПС, который был родом из Казахстана. Нужен был на его место мусульманин, нацмен, работавший в профсоюзном движении достаточно давно. Это была своеобразная национальная политика большого государства. Повсюду должны работать представители разных народов и этносов. Перебрали многих, как и полагалось в подобных случаях, выдвигая их из резерва. Были реальные кандидатуры из Киргизии и Азербайджана. Но первый не прошел из-за своей анкеты: брат его жены имел судимость, о чем стало известно в вышестоящих органах. Для Киргизии он вполне подходил, а для деятеля всесоюзного масштаба не годился. Оставался претендент из Баку. У него все было в порядке, хорошая анкета, трое детей, прекрасный послужной список. Все было готово к утверждению почти идеального кандидата. Но он был моложе Закира Давлетгарова на четыре года и допустил существенную ошибку. Узнав о том, что его выдвигают на всесоюзную должность, не сумел скрыть возможный факт своего назначения – сразу пошли анонимки... Вспомнили все. И его отца, который, оказывается, имел партийные взыскания... И его двоюродного брата – цеховика, который материально поддерживал своего высокопоставленного родственника. В общем, анонимками завалили не только ВЦСПС, но и ЦК КПСС. ВЦСПС – так назывался Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов, а ЦК КПСС был соответственно Центральным комитетом Коммунистической партии Советского Союза.

В Казани семья Давлетгаровых занимала хорошую пятикомнатную квартиру... В Москве им сразу выделили еще большую пятикомнатную квартиру на улице Грановского. Говорили, что раньше там жил какой-то маршал, супруга которого сама попросила выделить ей две квартиры в разных районах города. У нее были напряженные отношения с детьми маршала от первого брака...

Но за два месяца до этого решено было рассмотреть кандидатуру Закира Давлетгарова, который тоже подходил по всем параметрам. После того как отпали азербайджанец и киргиз, решено было взять татарского профсоюзного деятеля. Супруга Закира Давлетгарова была украинкой, звали ее Натальей Григорьевной. Трое детей... Муж прекрасно говорил по-русски, учился в Москве, окончив с отличием исторический факультет МГУ, а через несколько лет еще и высшие профсоюзные курсы. Был кандидатом наук, депутатом автономной республики. В общем, подходил по всем статьям. И поэтому, когда отпали кандидатуры от Киргизии и Азербайджана, решено было утвердить претендента от Татарской автономной республики. Тогда республика еще не была Татарстаном, как ее потом стали называть.

Со своей супругой Закир Давлетгаров познакомился в Москве, когда она была студенткой Московского авиационного института. Наталья с отличием окончила школу в Харькове и поступила в такой престижный институт, получив пятерку на первом вступительном экза-

мене. В те времена подобные метаморфозы еще были возможны. Они познакомились, когда Наталья Суховецкая училась на третьем курсе, а ее будущий муж на пятом – уже оканчивал исторический факультет университета. Потом он уехал по распределению в Казань, а она осталась учиться в Москве. Через два года Наталья Суховецкая получила распределение куда-то на Дальний Восток, там в эти годы создавалось новое проектное бюро, связанное с авиацией. Но как раз в это время в Москву приехал Закир Давлетгаров, с которым она переписывалась все эти годы. Он почти сразу сделал ей предложение. У нее был достаточно простой выбор. Либо улететь на Дальний Восток, либо выходить замуж и переезжать в Казань, где для нее тоже была работа. Она выбрала второй вариант. Он был высокого роста, красивый, с пышной копной черных волосы, мужественным обликом, рельефным, словно вылепленным лицом, живыми блестящими глазами, носил черную щеточку щегольских усов, делавших его похожим на актера. Достаточно сказать, что все ее подруги в душе очень завидовали Наташе, сумевшей отхватить такого красивого парня.

Ему было двадцать четыре, ей двадцать два года. Это было в шестидесятом году. Говорят, что шестидесятые годы вообще были лучшими годами в истории исчезнувшей большой страны. Появилось целое поколение новых писателей, художников, актеров, режиссеров, композиторов. Даже появился термин – «шестидесятники». Подобного поколения больше не будет в истории. Наверное, их отцы «двадцатитысячники» были такими же – неисправимыми романтиками и героями. Но почти все они погибли в сороковые годы. Страшная статистика утверждает, что только трое из ста человек, родившихся в двадцать третьем или двадцать четвертом годах, дожили до сорок шестого. Это было поколение мальчиков, которые в восемнадцать лет уходили на фронт, чтобы своими телами преградить путь врагу и вырвать победу в самой страшной войне в истории человечества.

Через два года, в шестьдесят втором, у Давлетгаровых родилась старшая дочь Дания. Еще через два года вторая дочь – Валида. Очевидно, молодые супруги решили на этом остановиться. В те годы было принято иметь не больше двоих детей. Но через шесть лет молодая женщина почувствовала, что ждет очередного ребенка. Увлечлись... а может, отец действительно хотел мальчика, как обычно все отцы в любой татарской, да и не только татарской семье. В феврале семьдесят первого года на свет появился еще ребенок, когда его старшей сестре Дании было уже десять, а другой сестре, Валиде – восемь. Мальчика назвали Нафисом, что по-татарски означает красивый. Говорили, что он действительно был симпатичным мальчиком в детстве. И конечно, сразу попал в руки своей украинской бабушки, которая переехала в Казань еще задолго до его рождения, в руки своей мамы и двух старших сестер. Таким образом, мальчик рос в окружении любящих женщин, что сказалось и на его воспитании, и на его дальнейшей судьбе.

С самого рождения мальчика баловали и любили. Сестры играли с ним, как с большой живой куклой, которую им подарили родители. Отец все время на работе, ездил по районам республики. Мать тоже работала. И он был отдан под присмотр бабушки и двух сестер. Им нравилось играть с ним. Мальчика учили говорить, ходить, двигаться. Нафис был красивым имышленным ребенком, а под таким надзором старших сестер – еще и любознательным и умным мальчиком. В детском саду выделялся среди своих сверстников, причем среди его друзей в основном были девочки, с которыми он почти всегда легче находил общий язык – сказывалось его домашнее воспитание. Уже с четырех лет сестры наряжали его в свои девичьи платья и заставляли петь с ними, играть в куклы и даже пытались заплетать ему косички.

Солдатики у него в детстве почти не было. Родители даже не замечали, что игрушки в доме были в основном предназначены для девочек. Они считали нормальным, когда младший ребенок играл игрушками старших, забывая о том, что старшие были девочками, а младший родился мальчиком.

Ему было только пять лет, когда однажды Нафис случайно вошел в ванную и увидел купающуюся Валиду. Ей было уже тринадцать лет, и она завизжала так громко, что мальчик даже испугался. Появившаяся мать дала ему подзатыльник и выгнала из ванной. Нафис целый день думал о том, почему Валида совсем не похожа на него. А потом долго рассматривал себя в зеркале, не понимая, куда Валида могла спрятать этот отросток, который имелся у него. Подобный вопрос мучил мальчика несколько дней. Он даже хотел подсмотреть, когда купалась другая сестра, но побоялся войти в ванную. Дания была уже взрослой, и его могли серьезно наказать за подобное вторжение в ванную, хотя двери в нее в доме никогда не закрывались. В ванной работала старая газовая колонка, и отец запрещал закрывать двери всем купающимся в ней домочадцам, опасаясь возможного угарного газа. Но Нафису важно было понять, чем именно девочки отличаются от него. Он продумал над этим вопросом несколько дней, не решаясь ни с кем посоветоваться, пока не предложил соседской девочке Аслии, с которой ходил в одну группу в детском саду, поиграть в докторов и больницу. Девочка сразу согласилась. Легла на кровать и стянула с себя трусики, чтобы он сделал ей укол маминой щеткой. Нафис долго смотрел на ее розовую попку, которая была такой же, как у него, и была немного похожа на кукольные попки. И вместо того, чтобы сделать укол, он неожиданно попросил ее перевернуться на спину. Аслия засмеялась и сказала, что в живот уколы не делают. Но послушно повернулась на спину. И он увидел... Нет, он ничего не увидел. Опять вместо отростка, который был у него, здесь было пустое место. Ему стало страшно. И вместо того, чтобы сделать укол, он убежал в другую комнату, где забился в угол и неожиданно заплакал. Аслия надела трусики, побежала за ним и долго утешала, не понимая, почему он плачет.

А через два месяца в доме Давлетгаровых собрались люди. Все приходили с подарками, целовали мальчика и, улыбаясь, что-то желали его родителям. Мать смущенно улыбалась, отец как-то непонятно хмурился, что-то бормотал. Нафис запомнил этот день на всю жизнь. Он слышал, что отец дважды недовольно произнес в разговорах с соседями, что все это пережитки прошлого и непонятно, почему нужно мучить ребенка. Мальчик не совсем понимал, о чем он говорит, пока в комнату не вошел какой-то мужчина со сросшимися бровями и в темном пиджаке. Позже Нафис узнает, что это был лезгин, который работал в совхозе и считался лучшим специалистом по обрезаниям мальчиков. Во времена советской власти обрезание считалось почти пережитком прошлого, и партийные евреи с мусульманами делали обрезание тайком, ведь подобный ритуал считался почти религиозным. Это уже потом, в девяностые годы, все стали понимать необходимость подобной операции, а в Америке обрезание начали делать поголовно всем родившимся мальчикам, независимо от вероисповедания. Врачи легко определили – обрезание спасает мальчиков не только от фимоза, но и любых онкологических заболеваний половых органов...

Лезгин посмотрел на Нафиса, улыбнулся и, внезапно сдернув трусы, быстро взмахнул ножом. Сначала мальчик ничего не почувствовал. Больно стало потом. Он закричал от страха и неожиданности. Затем лезгин посыпал его поврежденный отросток каким-то красноватым порошком. Нафис громко плакал, и отец пытался успокоить сына. У него был даже немного виноватый вид. А все продолжали поздравлять родителей мальчика с этим событием.

Чуть позже Нафис успокоился и заснул. Проснувшись утром, он подумал, что ему просто отсекли его отросток, который так пугал его и делал непохожим на сестер. Но, посмотрев на себя, с ужасом обнаружил оставшийся отросток, посыпанный красноватым порошком. И понял, что пришедший незнакомец отрезал далеко не все, и он по-прежнему отличается от девочек. Через несколько дней у него появилась черная корочка. По совету лезгина, который еще один раз навестил их семью, он начал принимать теплые ванночки, куда добавляли легкий раствор марганцовки. И теперь уже старшие сестры с любопытством смотрели на своего брата, когда он шествовал в старой юбке старшей сестры, которую ему несколько дней надевала мать.

Через месяц у Нафиса уже все было в порядке. Но теперь он уже точно знал, чем именно мальчики отличаются от девочек.

В семь лет Нафис пошел в школу и оказался в одном классе с Аслией, которую посадили за одну парту с ним. Они с ней действительно дружили. Ее отец был главным инженером большого комбината. Родители ходили друг к другу в гости. У Аслии был младший брат, моложе ее на пять лет. Школа находилась в двух кварталах от их дома, и в первом классе детей обычно отводила туда средняя сестра Валида, которая училась уже в восьмом классе. Старшая сестра Дания поступила в институт, когда Нафис и Аслия окончили первый класс. Она выбрала медицинский, решив стать врачом. Дания училась хорошо, но все знали, что она дочь одного из руководителей профсоюзов республики. И конечно, поступление Дании курировал сам министр здравоохранения. Закир Давлетгаров никогда не стал бы звонить или просить кого-то за свою дочь. Но этого и не нужно было делать. Все и так знали, чья дочь Дания Давлетгарова. На пятерки сдала все приемные экзамены. Золотую медаль в школе она не получила, у нее были две четверки, по алгебре и геометрии. Математику не любила и могла получить даже тройку по алгебре, но подобного развития событий не допустил бы директор школы. Зато химию Дания знала превосходно. К тому же по просьбе матери с ней еще и дополнительно занимался преподаватель химии. Денег он не брал, но благодаря папиным связям ему установили дома телефон. И он был очень благодарен. Закир Давлетгаров раньше работал в обкоме партии завотделом, до того как его выдвинули секретарем профсоюзной организации республики. Хотя некоторые считали подобное выдвижение не совсем повышением. Однако руководителем профсоюзов республики был старый большевик с довоенным стажем, и все знали, что он скоро должен уйти на пенсию. Поэтому молодого Давлетгарова рассматривали как реального кандидата на его место. Закир получил блестящую характеристику от своего непосредственного руководителя.

Тот понимал, как опасно иметь рядом молодого и перспективного заместителя, который работал раньше заведующим отделом обкома партии и реально считался кандидатом на его место. Именно поэтому он послал самые лучшие рекомендации на Давлетгарова в Москву, сделав все от него зависящее, чтобы его там утвердили. Он боялся, что его могут заменить на более молодого руководителя. И больше всех остальных старался, чтобы Давлетгарова перевели в Москву, избавляясь от возможного конкурента. В это сложно поверить, но этот руководитель просидел на своей должности до семидесяти восьми лет. Вот почему полезно избавляться от молодых и амбициозных заместителей.

Валида отводила детей в школу, а обратно они возвращались уже с бабушкой Аслии, которая заходила за ними после занятий. Так продолжалось до четвертого класса. Когда встал вопрос о переезде в Москву, больше всех радовалась Валида. Она оканчивала школу и собиралась поступать в театральное училище, считала, что может стать актрисой – участвовала во всех школьных спектаклях и выделялась среди остальных. Меньше всех этому событию была рада Дания. Она переходила на третий курс, и у нее появился молодой человек, с которым она начала встречаться. Мать предложила ей выбор. Либо остаться в Казани под присмотром бабушки, либо переехать с семьей в Москву. Дания выбрала Казань и осталась в старом доме вместе с бабушкой, а остальные члены семьи соответственно вчетвером переехали в столицу. Именно поэтому им разрешили оставить большую квартиру в Казани и выделили новую в Москве. Хотя после переезда в Москву все четверо поняли, что значит по-настоящему большая квартира. В Казани их квартира из пяти комнат со всеми службами и кухней насчитывала только девяносто четыре метра. И такая квартира считалась абсолютной роскошью. А в Москве им выделили пятикомнатную квартиру с двумя ванными комнатами и туалетами общей площадью сто восемьдесят метров. Мать не переставала удивляться роскоши, в которой жили правители большой страны. Семью прикрепили к правительственной поликлинике, которая находилась рядом с их домом, и к правительственному магазину. Теперь они могли

заказывать продукты на дом. Их приносили в специальных пакетах. А еще самому Давлетгарову сразу выделили служебную «Чайку» с водителем, чем привели в полный восторг обоих детей. Валида отправилась сдавать экзамены на этой «Чайке» и провалилась уже на собеседовании. Потом она долго плакала, запершись в одной из комнат. А мать долго уговаривала отца позвонить кому-то из своих знакомых, пока он не согласился и не позвонил в Казань заведующему отделом культуры обкома. Тот соответственно перезванивал в Москву своему большому начальнику. И в результате в это театральное училище позвонили из отдела культуры ЦК КПСС. Валиду приняли на курс режиссера Самойлова без экзаменов и собеседования, в порядке исключения. Отец был очень недоволен, но Валида просто светила, и мать успокоилась. Нафиса перевели в московскую школу, где учились многие дети из «элитного» дома.

По утрам к зданию школы подъезжали черные «Волги» и несколько длинных «Чаяек». Был даже один большой «ЗИЛ», который принадлежал внучке кандидата в члены Политбюро. И Нафис пошел в эту школу. Ему было уже девять с половиной лет. Именно в этой школе и начались драматические события, которые так повлияли на его судьбу.

Глава 3

Я сидел на стуле минут пятнадцать или двадцать, размышляя о том, куда мог исчезнуть Мартин. Его телефон по-прежнему был выключен. Конечно, нужно звонить в полицию. Но я понимал, что начнутся неприятные разговоры, расспросы, опросы. Придется подробно рассказывать о наших отношениях, давать показания, вывернуть жизнь наизнанку и сделать ее всеобщим достоянием. Я подумал, что не совсем готов к подобным испытаниям. Только недавно «Коммерсант» назвал меня одним из самых успешных молодых людей, сделавших карьеру уже в новом веке. И теперь газеты и журналы с удовольствием набросятся на мою историю, рассказывая о том, как пропал сожитель вице-президента компании. Нет, я не готов к откровенности. А с другой стороны – нужно было что-то делать. Мартин жил один, в Москве у него ни друзей, ни родственников. Подозреваю, что его самым близким другом был именно я. И именно поэтому обязан предпринять меры по его поиску. Мне очень не понравились пятна крови на полу в кухне. Откуда они здесь появились и что именно здесь произошло?

Подумав еще немного, достал телефон и набрал номер Эдуарда Георгиевича Мегрелидзе. Это был руководитель частной охранной фирмы, которая работала с нами. Мегрелидзе был бывшим старшим следователем по особо важным делам, проработавшим в структурах милиции больше двадцати пяти лет. К пятидесяти годам он вышел на пенсию и с помощью своих грузинских друзей открыл частную охранную фирму, которая работала с нашей компанией. Охраняли наших топ-менеджеров в различных поездках и обеспечивали охрану нашего здания. Его фирма выполняла еще и различные деликатные поручения, собирая для нас информацию о нужных людях, иногда даже организовывая наблюдение или прослушивание наших возможных компаньонов или конкурентов. Одним словом, это был человек, к которому можно было обратиться за помощью именно в подобных случаях. Кроме того, он по работе часто общался с Мартином, которому я и поручал подобные деликатные проблемы. Поэтому и решил обратиться именно к Мегрелидзе.

– Слушаю тебя, – сказал он с характерным грузинским акцентом. Он старше меня на одиннадцать лет, но мы уже давно перешли с ним на «ты».

– Эдик, у нас появилась проблема...

– Что случилось?

– Пропал Мартин.

– Как это пропал? – не понял Эдуард. – Позвони на мобильный или домой. Может, он где-то задержался?

– Мы договаривались с ним вместе поужинать, – пояснил я своему собеседнику, – он должен был приехать ко мне еще два часа назад.

Мегрелидзе знал о наших близких отношениях с Мартином. Мы иногда позволяли себе ужинать даже втроем. Обсуждали деликатные поручения, о которых я мог говорить с Эдуардом только в присутствии Мартина. В подобных случаях лучше не доверять посторонним.

– Где ты сейчас находишься? – сразу понял бывший следователь.

– У него дома. Я приехал к нему домой.

– Напрасно, – осуждающе произнес Мегрелидзе. – Если с Мартином что-то произошло, то в квартиру скоро придут следователи. Может, он попал в аварию?

– Типун тебе на язык, – нахмурился я, – что ты такое говоришь? У него на кухне свежие пятна крови, и вся квартира перевернута, как будто здесь что-то искали.

– Это еще хуже, – рассудительно произнес Эдуард. – Закрой дверь и никого не впускай. Там замок у него надежный?

– Да, сейфовая дверь. Еще несколько лет назад поставили.

– Очень хорошо. Закрой дверь, я сейчас приеду. Продикуй мне его адрес. Только никому не открывай. Ты меня понял, Нафис? Никому не открывай.

– Понял, понял. Конечно, понял. Я сам переживаю. Не понимаю, что с ним могло случиться. Врагов у него нет. На работе все в порядке. Как ты думаешь?

– Я пока ничего не думаю, – ответил Мегрелидзе, – мне нужно приехать и разобраться на месте. Ты никуда не уходи и не выходи. Я приеду через полчаса. Только, ради бога, ничего не трогай, чтобы не осталось твоих отпечатков пальцев. Хотя ты наверняка уже там наследил.

– А что мне было делать? Я приехал и долго к нему звонил. Ни мобильный, ни городской не отвечали. А вторые ключи лежали у меня дома. В голову лезли всякие глупые мысли. Может, он случайно поскользнулся и упал в ванной или на кухне. Может, вообще почувствовал себя плохо.

– Он жаловался на сердце?

– Нет, никогда. Ты же его хорошо знаешь. Ему только тридцать недавно исполнилось. Какие болезни сердца? Он был очень здоровый человек. Черт возьми! Почему я говорю «был». Он действительно здоровый молодой человек, в этом можешь не сомневаться.

– Не нервничай, – посоветовал Эдуард, – я уже выхожу из дома. Сиди спокойно и никому не звони.

– Может, нужно заявить в полицию? – несмело предложил я.

– И что ты им скажешь? – спросил Мегрелидзе. – Что пропал твой друг? А ты случайно оказался в его квартире? В таком случае тебя сразу спросят – откуда у тебя ключи. И какова степень ваших отношений. Ты готов к подобным расспросам?

– Нет, конечно. Но все равно нужно что-то делать.

– Именно поэтому я сейчас спускаюсь по лестнице, чтобы забрать свою машину и приехать к тебе. Ты успокойся и не нервничай. Мы вместе что-нибудь придумаем. Может, он просто куда-то поехал, а в его мобильном телефоне закончилась зарядка.

– Хорошо бы, – пробормотал я. – Но мне не нравится этот беспорядок в его квартире и пятна, похожие на кровь.

– Это еще неизвестно. Может, он пролил томатный сок, – попытался поддержать меня Эдуард. – Поэтому ты выбрось из головы плохие мысли и дождись меня. Только никому не звони и не выходи из квартиры. Это может быть опасно.

– Все понятно, – уныло пробормотал я, тяжело вздохнув.

Посидев еще немного на стуле, поднялся и вернулся в комнаты. Здесь что-то искали. Интересно, что именно могли искать у Мартина? Он не бедный человек, все-таки столько лет проработал в нашей компании. Но и не особенно богатый. Все его ценные вещи я знаю точно, так как сам дарил ему эти подарки. Его часы «Фридерик Констант», его машина «Фольксваген Пассат», его запонки от «Дюпона» с бриллиантами, даже его новый ноутбук от компании «Сони». Все – мои подарки. И новый телевизор, который стоит в углу, тоже купил ему я. В таком случае, что такого важного и нужного могли искать в его доме незнакомцы? И каким образом они попали в эту квартиру, у которой такая надежная дверь и три замка? Ведь я сам открывал замки, прежде чем войти в квартиру. От таких мыслей раскалывалась голова.

Вспомнил про звонок Тамары, с которого все и началось. Это женщина меня все-таки достала. Интересно, откуда она узнала о Мартине? Кто именно мог ей об этом рассказать? У меня в голове зрели какие-то фантастические, фантазмагорические версии. Ведь брат Тамары работал в каком-то управлении безопасности. Может, она с его помощью организовала похищение моего друга, чтобы потом обвинить меня в этом исчезновении... И снова потребовать денег. Чушь какая... Но откуда она узнала о Мартине? Нужно будет потом позвонить ей и выяснить. Это тоже достаточно важно. Значит, у меня на работе есть какая-то гадкая «крыса», которая сливает информацию посторонним людям. Нужно будет внимательно разобраться. Подошел к серванту, достал носовой платок и открыл сервант. Здесь в коробочке он хранил запонки,

которые я подарил ему на тридцатилетие. Коробочки не было. Интересно. Неужели обычное ограбление? А куда они дели его труп? Господи, какие страшные мысли приходят в голову! Даже думать о подобном не хочется. Нет, он был достаточно крепкий парень, чтобы так просто сдаться. И его не смогли бы вытащить отсюда даже двое мужчин. А внизу во дворе всегда полно людей. И эти любопытные бабки сидят на скамейках. Нужно будет попросить Эдика прислать своих ребят и опросить всех соседей. Кто-то наверняка видел, что именно здесь произошло. И с кем мог уйти Мартин. Или уехать.

Черт возьми. Почему я сразу не вспомнил о его машине. Ведь он ездит на своем автомобиле. Нужно просто проверить, где именно находится его машина и не попадала ли она сегодня в аварию. Достал телефон, набрал номер Эдуарда.

– Это снова я, – начал свой разговор с Мегрелидзе. – Ты знаешь, о чем я подумал. Во дворе нет его машины. У тебя же есть связи... Может, позвонишь в ГИБДД и выяснишь... Они наверняка знают. Может, он просто попал в аварию и его увезли в больницу?

– Возможно, – согласился Эдик, – только ты сам никуда не звони. Я сейчас позвоню в информационный центр и там все выясню. Это достаточно легко. Не беспокойся. Если машина попала в аварию, то у них есть сведения на этот автомобиль. Все аварии с человеческими жертвами сразу фиксируются.

– От этого мне не легче, – в сердцах произнес я. И снова перезвонил Мартину. Телефон был отключен. Я написал сообщение с призывом срочно откликнуться и послал на его номер. Молчание. Вернулся на кухню и устроился на стуле, дожидаясь приезда Мегрелидзе. Через минуту, уже не выдержав, позвонил своему секретарю.

– Таня, здравствуй, – быстро начал я, – сегодня все было в порядке? Никаких особых происшествий?

– Добрый вечер, – несколько удивленно произнесла молодая женщина. – Я ушла в половине седьмого. Все было в порядке, Нафис Закирович. Только уборщица у нас упала на лестнице и сломала руку сегодня днем. Мы вызвали «Скорую». Я забыла вам об этом рассказать.

– Да, конечно. Это самое важное, что случилось в нашем офисе за весь день, – недовольно пробормотал я. – Больше никто и ничего не сломал?

– Нет, – рассмеялась Таня, – а почему вы интересуетесь?

– У меня плохое предчувствие. Я ведь поехал на встречу в пять часов. Ты не знаешь, когда уехал Мартин?

Татьяна замерла на секунду. Только на одну секунду. Но мне этого было достаточно. Она не любила моего молодого друга. Татьяне около тридцати, и она одна воспитывает сына после развода с мужем. Сыну уже восемь лет. Наверное, молодая и достаточно симпатичная женщина часто ревновала Мартина ко мне, так как понимала, что могла бы занимать его место и пользоваться моим расположением. В этом случае она носила бы совсем другие наряды и приезжала на работу в том самом «Фольксвагене», на котором ездил Мартин. Конечно, Таня знала или догадывалась о наших отношениях. Поэтому секундная пауза была более чем выразительной.

– Не знаю, – отрывисто произнесла Таня, – он мне не сообщал. Но в половине седьмого, когда я уходила, его машины уже не было на стоянке.

– Почему ты уверена? – спросил я. – Наша стоянка находится во внутреннем дворе, а ты обычно идешь к станции метро совсем в другую сторону. Или ты специально заходишь на стоянку, проверяя, какие машины остались, перед тем как уйти?

– Нет, – снова рассмеялась Татьяна, – я не хожу к станции метро. Меня иногда подвозит Вазген Тигранович. Вы разве не знаете?

Свято место пусто не бывает. Вазген Тигранович Екимян – наш главный экономист. И достаточно молодой вдовец, ему около сорока пяти. Солидный, усатый, с брюшком... И такой человек мог понравиться Татьяне. Он старше нее почти вдвое. С другой стороны, очень хорошо зарабатывает и два года назад потерял в автомобильной аварии супругу. Осталось двое детей-

подростков. Конечно, ему нужна женщина, а Татьяне нужен надежный тыл. Все правильно. Все так и бывает. Хотя неприятно слышать, что твоего собственного секретаря возит домой другой мужчина. Но здесь виноват ты сам. Если не уделяю достаточного внимания этой молодой женщине, то, разумеется, она готова принимать подобные знаки внимания от другого мужчины, который кажется ей в таком случае более надежным.

– Я не знал про Вазгена Тиграновича, – пробормотал я Татьяне, – что он отвозит тебя домой.

– Не всегда, – поправилась Таня. – Только по пятницам, как сегодня, когда он едет на дачу. Я живу как раз по пути. Мы обычно заезжаем за его мальчиками, а потом он оставляет меня у дома.

– Сколько лет его мальчикам?

– По девять. Он поздно женился. Они близнецы, – почему-то решила сообщить мне Татьяна.

– А твоему сколько?

– Уже восемь, – с гордостью сообщила она.

– Ты их познакомила?

– Зачем? – удивленно спросила она. – Зачем я должна их знакомить?

– Они почти ровесники. Им было бы интересно.

– Не думаю, – ответила Татьяна, – во всяком случае, ничего подобного Вазген Тигранович не предлагал.

– Понятно, понятно. Значит, машины Мартина в половине седьмого на стоянке уже не было?

– Нет, не было.

– Хорошо. Спасибо. А как там наша уборщица, жива?

– Да. Я потом узнавала. У нее, оказывается, не перелом, а сильный ушиб. Но сначала мы все думали, что она сломала руку.

– Это очень прискорбно, – пробормотал я, отключаясь.

В этот момент в дверь позвонили. Я подошел и посмотрел в глазок. Это был Эдик в своей черной куртке и в кепке. Гладко выбритое лицо, тонкие губы, черные брови, словно он их красит. Хотя это была единственная растительность у него на лице. Я открыл дверь и, посторонившись, пропустил его в квартиру.

– Вот здесь он жил, – сообщил я приехавшему Эдику.

Тот понимающе кивнул и прошел в комнаты. Несколько минут осматривал все вокруг, затем прошел на кухню. Увидел засохшие пятна и, наклонившись, начал внимательно их рассматривать. Затем поднял голову.

– По-моему, это кровь, – почти убежденно произнес Мегрелидзе, – во всяком случае, очень похоже. Нужно будет провести тщательную экспертизу. Какая у него была группа крови, ты случайно не знаешь?

– Конечно, знаю. Вторая положительная.

– Так-так... – Эдик рассматривал пятно с таким видом, словно мог определить группу крови по этим следам.

– Тоже мне, Шерлок Холмс, – недовольно пробормотал я. – Нужно было вызвать полицию...

– Пока не нужно, – возразил Мегрелидзе, возвращаясь в гостиную. Он постоял на пороге, еще раз осматривая все вокруг. – Здесь были чужие, – убежденно произнес Эдик, – это сразу чувствуется. И здесь явно что-то искали. У него были какие-то ценности или важные документы?

– Какие ценности? Только запонки, которые ему подарили на юбилей. Ничего особенного. Телевизор не вынесли, ноутбук не забрали. Нет, ничего ценного...

– И тем не менее кто-то залез к нему в квартиру, – напомнил Эдуард, – и после этого Мартин исчез.

Мы вернулись на кухню. Я сел на свое место. Эдик продолжал стоять.

– Что делать? – спросил я у него.

– Я уже позвонил своим знакомым в ГИБДД, – сообщил Мегрелидзе, – сейчас мне перезвонят. И заодно уточним по всем моргам и больницам, куда он мог попасть.

Я невольно вздрогнул. Только этого не хватало! Бедный Мартин, что с ним могло случиться? Может, он торопился ко мне и действительно попал в аварию. Какое несчастье! Бедный мальчик! И в этот момент позвонил городской телефон. Звонок был резким и неожиданным. Эдуард взглянул на меня. Телефон продолжал звонить. Он показал мне на телефон, чтобы я ответил. Мне пришлось снова доставать носовой платок и поднимать трубку.

– Алло, – сказал я, – говорите. – Вас слушают.

На другом конце повесили трубку. Эдуард достал свой аппарат и набрал какой-то номер. Затем спросил у невидимого собеседника:

– Есть какая-нибудь информация по нашему вопросу? Да, я понимаю. Спасибо.

Он убрал телефон в карман. Посмотрел на меня.

– Ничего, – сообщил Эдуард, – никаких аварий с участием «Фольксвагена» сегодня в городе не зафиксировано.

– Это еще хуже, – устало пробормотал я, – такая зловещая неопределенность.

И в этот момент снова позвонил городской телефон.

Глава 4

Нафис Давлетгаров пошел в четвертый класс уже в московскую школу. Сначала ему сложно было привыкать к новым товарищам. В казанской школе все были соседи и друзья, он сидел за одной партой с Аслией, и все было понятно и просто. Учителя знали его родителей и старших сестер, а директор школы была даже дальней родственницей матери его отца. Но в Москве все было иначе. Его посадили рядом с мальчиком, который недовольно покосился на своего нового соседа и сразу его невзлюбил. Дети в отличие от взрослых почти сразу чувствуют истинное отношение к себе со стороны сверстников. Может, потому, что они еще не сумели пройти в полной мере школу лицемерия, когда, ненавидя человека, улыбаешься ему при встрече, когда, презирая коллегу, расточаешь комплименты в его адрес.

Немного позже Нафис узнал, что Славик, так звали его одноклассника, оказавшегося с ним за одной партой, был обижен на новичка именно потому, что тот оказался рядом с ним. Раньше там сидела девочка, которую пересадили за первую парту. Ее звали Марта, и она носила очки, поэтому классный руководитель решила пересадить ее к доске поближе. Нафис достаточно быстро узнал, что Марта дружила со Славиком с первого класса. И тот считал нового одноклассника виновником разлуки.

Конечно, не все сразу устроилось. Мальчикам трудно бывает вжиться в чужую среду. Одноклассники встретили новичка достаточно настороженно. Нафису дважды пришлось драться, едва он попал в этот класс. Сначала со Славиком, которого он сумел побить, а потом и с Робертом, который побил его. Роберт был самым сильным мальчиком в классе и занимался плаванием. Казалось, что с обоими одноклассниками у новичка будут плохие отношения, но после подобных стычек отношения пришли в норму, и ребята даже стали друзьями.

Только через много лет Нафис поймет, что тот, кто тебя побил, никогда не будет так ненавидеть поверженного соперника, как тот, которого побил ты.

В общем, притирание проходило достаточно сложно. Хотя учился он неплохо. Не на круглые пятерки, в первое время было достаточно сложно привыкать к строгим требованиям московских педагогов – в Казани все было гораздо легче. Но четверки и пятерки у мальчика появлялись достаточно регулярно. Сказывался и строгий контроль его матери, которая проверяла знания и дневники сына. А заодно пыталась контролировать и Валиду, которая поступила в театральное училище. У нее появились новые друзья. Молодые ребята и девушки иногда заходили к ним домой, поражаясь огромными размерами их квартиры. Товарищами Валиды были в основном провинциальные студенты, которые поступали в театральное училище со всего бывшего Союза.

Это время через несколько лет назовут застойным. На самом деле это были последние годы относительно спокойной жизни. Уже на следующий год, в ноябре восемьдесят второго, умер генсек Брежнев, правивший страной восемнадцать лет, и начались перемены. Они начали нарастать, чтобы вылиться потом в крушение великой страны и потрясения, от которых общество и государство еще долго не могли оправиться.

Семья Давлетгаровых жила так же скромно, как и многие высшие чиновники того времени. В хороших пластиковых пакетах им приносили домой заказы из правительственного магазина. Почему-то на сметане и твороге стояли завтрашние даты, и мать всегда шутила, что они едят еще не приготовленную – завтрашнюю сметану. Отец недовольно хмурился, но старался не комментировать подобные замечания. Цены в этом магазине были не просто низкими, они были смехотворными по понятиям даже начала восьмидесятых. И это в то время, когда во многих областях и республиках уже вводили талоны на мясо и масло.

Семью прикрепили к специальной секции в универмаге, где они могли приобретать дефицитные зарубежные товары – от парфюмерии до одежды. И еще было закрытое ателье, где

подобные небожители могли заказывать и выбирать нужную одежду и обувь. Причем для всей семьи. Нужно отметить, что Закир Давлетгаров и его супруга были людьми достаточно скромными и не избалованными различными подношениями, хотя дорогие подарки им, конечно, делали и в Казани, и в Москве. Это был своеобразный ритуал того времени.

Обитатели дома на Грановского даже в страшных снах не могли подумать о размерах хищений, о смутном времени, когда дорвавшиеся до руководящих постов младшие научные сотрудники, фарцовщики, валютчики и бывшие торговцы цветами неожиданно станут миллионерами. Единственное, в чем не отказывал себе Давлетгаров-старший, – это иностранные сигареты, которые он беспрерывно курил. Иногда до двух пачек в день.

В следующем году вся семья поехала на каникулы в Казань, где их встретила очень повзрослевшая и похорошевшая Дания. Ей было уже двадцать лет. И у нее появился молодой человек, который все время дежурил у их дома. Все закончилось тем, что Дания представила его своим родителям. Молодой человек учился вместе с Данией в медицинском институте и был сыном известного казанского хирурга – главного врача больницы. Родители одобрили этот выбор старшей дочери, разрешив им встречаться.

Нафису исполнилось уже одиннадцать лет, и он чувствовал какие-то непонятные позывы, словно толчки изнутри. Его начали интересовать отношения Дании с ее парнем и появившиеся ухажеры Валиды, которые иногда приходили к ним домой. К этому времени он уже знал, откуда и каким образом рождаются дети. Хотя, узнав об этом в первый раз от Роберта, он просто не поверил. И, прибежав домой, с ужасом рассказал все своей матери. Ему казалось, что он просто обязан с кем-то поделиться. Она хмурилась, качала головой, понимая, что сын становится взрослым. В конце восьмидесят второго умер Леонид Брежнев. Казалось, что рухнула целая эпоха. Дети еще этого не понимали, но взрослые действительно переживали. Они помнили Сталина, который был объявлен тираном при Хрущеве. Самого Хрущева объявят волюнтаристом при Брежневе. К чести Андропова, он не стал клеймить своего умершего предшественника, попытавшись провести хотя бы минимальные реформы. Но судьбой ему был отпущен только очень небольшой срок, за который он ничего не успел сделать. Когда умер Андропов, взрослые тоже переживали. Когда умер Черненко, просто опускали взгляд... Всем надоела эта «пятилетка» похорон.

С приходом Андропова все стало гораздо строже. Говорили, что начались проверки даже в кинотеатрах и парикмахерских, где выясняли, почему клиенты находятся в рабочее время в этих заведениях. В восьмидесят четвертом Нафису было уже тринадцать лет, когда Дания, оканчивающая медицинский, позвонила из Казани и сообщила, что молодой человек, с которым она встречалась, сделал ей предложение. Мать сразу вылетела в Казань, чтобы быть рядом с дочерью. Эту новость обсуждали в семье. Отец и Валида говорили вполголоса, чтобы не разбудить Нафиса. Он не спал и все слышал. Мальчик всю ночь думал о том, что Дания теперь будет жить с мужем. И каким образом они смогут сделать своих детей. Ему было страшно об этом думать. Ведь к этому времени он уже точно знал, откуда берутся дети. Ночью, во сне, были какие-то неясные образы, кошмары, которые мучили мальчика все последнее время. Словно пробуждающаяся неведомая сила непонятным образом давила на его сознание. И однажды произошло то, что рано или поздно происходит с каждым мальчиком. Он даже не совсем понял, как именно это случилось. Но несколько ночей подряд Нафис пачкал простыню и одеяло какой-то липкой жидкостью, выходившей из него, когда он засыпал. Ему было стыдно и неудобно. Больше всего он боялся, что об этом узнает отец или Валида, хотя у него была своя отдельная комната. Непонятные пятна стали появляться у него на трусах, которые он регулярно менял по утрам. А через несколько дней, лежа в своей постели, когда никого не было дома, он дотронулся до напрягшегося отростка, который неожиданно обрел такую плотность. И тогда произошел непонятный взрыв. Словно его толкнули изнутри. На руках у него оказалась какая-то мутноватая жидкость. И он действительно перепугался. Просто испугался, не

понимая, что именно с ним происходит. Было страшно, но приятно. Потом он отправился в ванную и долго стоял под душем. В школе его, конечно, просветили, подробно рассказав о том, что именно с ним случилось.

Им было стыдно признаваться друг другу, но почти каждый из них занимался рукоблудием, собственно, как и все остальные мальчики. Нафис и его одноклассники не могли знать, что через подобные «опыты» проходят практически все подростки. Сдержаться, проявлять выдержку, уберечься от подобного практически невозможно – настолько мощная сила выталкивает из вас эту энергию.

В четырнадцать лет Нафис узнал многое. У Роберта отец работал заместителем министра внешней торговли, и когда родители отсутствовали, сын приглашал товарищей смотреть видеофильмы... Иногда их даже пугала подобная откровенность, когда они видели не только интимные сцены, но и поражающие воображение извращения, о которых они даже не могли подумать.

К этому времени появились первые прыщи на лице, и Нафис начал засматриваться на девочек. Ему вообще всегда легче было с ними, чем с мальчиками, сказывалась его жизнь в окружении женщин – бабушек, матери, двух старших сестер. Но никаких встреч с противоположным полом в тринадцать-четырнадцать лет у него, разумеется, не было. А потом произошла встреча со старшим братом Роберта. Его звали Витольд. Такое непонятное имя, хотя Нафис знал, что их мать была родом из Литвы. И Витольдом мальчика назвали в честь ее дедушки. Витольду было уже двадцать два года, а его младшему брату и Нафису только по четырнадцать.

Роберт в очередной раз пригласил мальчиков к себе домой. В этот раз он решил пригласить и девочек. Совместный просмотр по-своему возбуждал всех участников подобного зрелища. Витольд, столкнувшийся с ними при выходе из квартиры, только рассмеялся и, кивнув всем на прощание, пошел к кабине лифта. Он был художником, уже закончившим к этому времени свое образование.

Когда он входил в кабину лифта, то обернулся и посмотрел на Нафиса, улыбнулся еще раз. Почему-то это не понравилось его младшему брату, и он, больно толкнув своего товарища, зло прошептал, чтобы тот скорее заходил в квартиру. Витольд носил длинные волосы и обтягивающие джинсы. Со стороны его можно было принять даже за молодую женщину.

Через две недели, когда Роберт снова пригласил мальчишек, Витольд неожиданно появился в квартире. И снова улыбнулся всем, подмигнув Нафису. А еще через несколько дней неожиданно сам позвонил подростку и сообщил, что им привезли новый фильм и он приглашает Нафиса домой. При этом он попросил ничего не говорить своему младшему брату. Нафис долго думал, но решил ничего не говорить Роберту. Он помнил, как тот больно толкнул его, когда старший брат улыбнулся гостям.

Витольд принял его в квартире и поставил видеокассету. На этот раз события в ней превосходили всякое воображение подростка: двое мужчин самозабвенно предавались ласкам, показанным во всех подробностях. Нафис сидел на диване ошеломленный. Появился Витольд, который был в халате, надетым на голое тело. Во время просмотра он сидел рядом с гостем, поглаживая его колено, а когда фильм почти закончился, он наклонился и поцеловал мальчика в ухо. Нафис испуганно отпрянул и быстро поднялся, пояснив, что его уже ждут. Витольд, улыбнувшись, пообещал еще одну кассету, если Нафис придет в субботу, когда родители и Роберт уедут на дачу. Нафис пообещал, твердо решив больше здесь не появляться. Он был испуган поведением старшего брата своего одноклассника.

Но когда Витольд позвонил в субботу после занятий, Нафис пошел на встречу, уже понимая, что Витольд имеет на него какие-то свои интересы. Подросток боялся признаться даже самому себе, что ему нравился этот взрослый парень, его поглаживания, запах его парфюма, улыбка, общение с ним. Он чувствовал себя почти взрослым, ведь такой человек, как Витольд, общался с ним почти на равных.

В этот раз все было также достаточно откровенно и ужасно. Мальчик чувствовал, как сильно бьется у него сердце, когда на экране разворачивались сексуальные оргии. Сидевший рядом Витольд, который снова был в халате, продолжал поглаживать колени мальчика, постепенно поднимаясь вверх. И шекотал его своим дыханием, целуя ему уши.

В какой-то момент он увлекся, и рука оказалась в неподобающем месте. Но он действовал так нежно и мягко, что Нафис не хотел даже вырываться. Он продолжал смотреть фильм, пока Витольд не расстегнул ему брюки. Нафис замер, он не знал, что теперь будет, когда Витольд наклонился к нему. Дальше было очередное потрясение. Это было невероятно приятно и невероятно страшно. Он даже застонал от боли, удовольствия и ужаса. Нафису было хорошо и стыдно одновременно. Он все-таки ушел из этого дома через полчаса, снова поклявшись никогда здесь не появляться.

И снова нарушил свою клятву уже через неделю, когда Витольд позвонил в очередной раз. Вспоминая свое поведение через несколько лет, Нафис признавался сам себе, что прекрасно понимал происходящее. Но ему нравилось смотреть эти фильмы, было приятно общаться с Витольдом, и его самолюбию льстило общение со взрослым парнем. Когда он появился в этом доме в очередной раз, Витольд, уже не стеснясь, снял халат, предложив вместе лечь в кровать. Нафис некоторое время колебался, но удовольствие, которое ему доставлял Витольд, пересилило страх. Он заставил себя раздеться и улечься в кровать рядом с этим молодым человеком. В первые двадцать минут ему было даже приятно. Витольд гладил и целовал мальчика. А затем...

Нет, это было не очень больно. Но достаточно неприятно, так как Нафис пытался вырваться, сопротивлялся. Но он не смог ничего сделать. Витольд был гораздо сильнее и старше его. И моральное падение, о котором так любят говорить строгие блюстители нравов, произошло. Хотя если вспомнить, Древнюю Грецию, то там считалось в порядке вещей подобное образование, и педагоги даже поощряли связи между мальчиками. Примеры Александра Македонского и Юлия Цезаря, никогда не скрывавших подобных связей, достаточно показательны. Гомосексуальное обучение было естественным и не считалось чем-то предосудительным. Но больше в этом доме Нафис не появлялся, хотя Витольд еще дважды ему звонил.

В восемьдесят седьмом году, когда Нафису было шестнадцать лет, Роберт и Слава предложили отправиться к женщинам. Роберт уже был с ними в связи два раза и хвастался, что знает о женщинах все. Разумеется, другие мальчики тоже лгали, рассказывая друг другу невероятные истории, хотя ни один из них не был никогда с женщиной. Они даже не представляли, как это бывает. Роберт привел их в какую-то квартиру, где мальчиков ждала женщина лет сорока пяти. Позже они узнали, что это была бывшая актриса цирка, подрабатывающая подобным образом. Роберт храбро пошел первым, двое других терпеливо ждали в соседней комнате. В общем, все было как и бывает обычно в подобных случаях, когда первый сексуальный контакт происходит с женщиной легкого поведения. Через несколько минут, когда из спальни начали доноситься стоны Роберта, Слава просто испугался и сбежал. Как потом выяснилось, Роберт нарочно стонал, чтобы показать, насколько велико его удовольствие. Он видел подобное поведение в одном из тех фильмов, которые прятал от него старший брат. Нафис терпеливо ждал. После общения с Витольдом он твердо решил, что просто обязан встретиться с женщиной и понять разницу.

Роберт вышел из спальни и кивком головы пригласил Нафиса войти в комнату.

Женщина лежала, прикрывшись простыней. Увидев мальчика, сразу поняла, что это будет его первый сексуальный контакт. И поэтому улыбнулась, подзвав его к себе. Он разделся...

Воспоминание о первом сексуальном контакте преследовало его достаточно долго. Было очень неприятно и даже противно. Никакого удовольствия он не получил. Ничего, кроме отвращения к этому бесформенному куску мяса и к этой опытной женщине, которая и не соби-

ралась ему особенно помогать. Она только лениво посоветовала воспользоваться презервативом, который мальчик долго не мог надеть. А когда надел, то почувствовал себя так, словно был в резиновых сапогах. Может, поэтому он и не ощутил никакого удовлетворения, не получил никакого удовольствия.

Нафис поклялся никогда больше не встречаться с женщинами и вообще не жениться. Спустя несколько дней узнал, что Славик все-таки вернулся в тот дом сразу после их ухода и тоже получил свое первое «посвящение». Ведь Роберт оплатил услуги всех троих. Причем Славе тоже не особенно понравилось в этой спальне. После подобного «свидания» Нафис несколько месяцев не мог даже подумать о встречах с женщинами. С Витольдом было гораздо интереснее и приятнее. И только в следующем году, когда юноши уже оканчивали школу, они оказались в одном из тех модных кафе, которые открылись в середине восьмидесятых, где Нафис познакомился с Соней. Ей было двадцать четыре, ему только семнадцать. Конечно, ее интересовали только деньги, причем желательно в иностранной валюте. Впервые в жизни Нафис взял без разрешения из сейфа отца пятьдесят долларов. Отец хранил в сейфе свои командировочные, среди которых были и долларовые купюры. Он довольно часто выезжал в командировки по служебным делам за границу. Нафис отнес деньги Соне. Второе свидание получилось гораздо интереснее и приятнее. Может, потому, что Соня была старше его. А может, к тому времени он просто повзрослел. Но ему так понравилась эта встреча, что еще через неделю он снова забрал очередные пятьдесят долларов и отправился к Соне. Это свидание оказалось еще более приятным. Теперь он уже не терялся. А она, в свою очередь, поняв, что у этого мальчика есть возможности оплачивать ее услуги в иностранной валюте, проявила к нему повышенный интерес. Пятьдесят долларов в конце восьмидесятых были очень большими деньгами.

В восемьдесят восьмом Дания родила мальчика, которого называли Галибом. Нафис окончил школу. Окончил ее совсем неплохо – получил только четыре четверки. Отец предложил ему поступать в Московский государственный университет на юридический факультет. К этому времени во главе страны и партии стоял другой выпускник МГУ – Михаил Сергеевич Горбачев, который лично знал Закира Давлетгарова еще по студенческим годам. И Нафис послушно отнес документы в этот университет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.